

Л. ГРЕБНЕВ,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
МГУ имени М.В. Ломоносова

“МАВР” ВОЗВРАЩАЕТСЯ? А ОН И НЕ ПРИХОДИЛ...

*(к дискуссии о значимости
научного наследия К. Маркса)**

Известное изречение “Мавр сделал свое дело...” довольно часто использовалось в научной и публицистической литературе в России на рубеже 1980-1990-х годов, когда страна расставалась с коммунистической идеологией (“марксизмом-ленинизмом”) как государственной. Именно так — “Мавром” — называли Маркса близкие ему люди. Интеллектуальные “похороны” этого человека происходили не раз и во многих странах, но всегда они оказывались преждевременными. Тем не менее в заголовок статьи вынесена одна простая, хотя и весьма спорная для большинства моих коллег, мысль: в России Маркс еще не появлялся, при этом вопрос — “а стоит ли ему сюда приходить?” — остается открытым. Продолжая обсуждение статьи Е. Гайдара и В. Мау, хотелось бы надеяться, что результатом дискуссии станет хотя бы небольшое продвижение вперед, во-первых, в аспекте понимания вклада Маркса в науку об обществе, важное в основном для профессионалов, и, во-вторых, с точки зрения анализа непростых взаимоотношений науки, политики и религии, касающихся так или иначе каждого из нас.

Маркс и экономическая наука: что такое “производственные отношения”?

Для начала целесообразно указать на некоторую непоследовательность А. Гайдара и В. Мау в оценке научных достижений Маркса. В первой части статьи они безоговорочно присоединились к

* См: Гайдар А., Мау В. **Марксизм: между научной теорией и “светской религией”** (либеральная апология). — Вопросы экономики, 2004, № 5, 6; Бугалин А., Колганов А. **Нужен ли нам либеральный марксизм** (о статье Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и “светской религией»»). — Вопросы экономики, 2004, № 7.

Й. Шумпетеру, видевшему главный научный результат Маркса только в экономической интерпретации истории (№ 5, с. 6), а во второй части столь же безоговорочно следуют Д. Норт, который ценит марксову схему анализа за то, что она “дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию” (№ 6, с. 34). Но и многие другие разработки Маркса рядом экономистов признаются важными и актуальными. “Маркс обращал особое внимание на... контроль над процессом труда, детально анализируя, как развитие машинного производства качественно углубляет контроль капиталистов, лишая рабочих возможности определять темп своей работы. Сосредоточение внимания на процессе производства как процессе *труда*, по мнению многих исследователей, является наиболее важной отличительной чертой марксистской экономической теории по сравнению с другими школами, которые анализируют производство только в технических терминах... Только сравнительно недавно основное направление экономической теории стало обращаться к проблеме контроля над трудовым процессом, но и тогда, как утверждает Боулс, ее подход остался менее убедительным”¹. Кто знает, что еще найдут у Маркса оригинальные исследователи?

«Сухой остаток» статьи Е. Гайдара и В. Мау, как представляется, выглядит примерно так: гипотеза Маркса о взаимном воздействии производительных сил и производственных отношений при ведущей роли первых в целом нашла подтверждение при исследовании как прошлого, так и настоящего в экономической жизни и входит (или должна входить) в аналитический арсенал современной науки. Главное в марксовом наследии, по мнению авторов, выделил нобелевский лауреат Д. Норт: “Тезисы Маркса о критической роли прав собственности в эффективной экономической организации и роли противоречий между существующими *правами собственности и производственными возможностями*, создаваемыми новыми технологиями, являются его фундаментальным вкладом в исследование *экономической теории* (курсив мой. — Л.Г.)” (№ 6, с. 34). Отношения собственности являются ключевыми и в обширной цитате Маркса, приведенной авторами: “На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности ...” (№ 5, с. 13). Все это хорошо известно тем, кто учился в нашей стране “до 1991 г.”, хотя вряд ли знакомо современному студенту, осваивающему экономическую теорию в рамках действующего государственного образовательного стандарта². Но так ли хорошо известно, как это представляется нам самим?

¹ Глин Э. Марксистская экономическая теория. В кн.: Экономическая теория (New Palgrave). Под ред. В. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2004, с. 530–531.

² Подобнее см.: Гребнев Л. О новых стандартах в области преподавания экономики. — Вопросы экономики, 2000, № 7, с. 136–138.

Для проверки уровня понимания нами “азбучных положений” проведем небольшой разбор еще одной цитаты Маркса на эту же тему: “Непосредственное отношение *собственников условий производства* к непосредственным *производителям* — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы *всегда* раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений *суверенитета* и зависимости, короче, *всякой* данной специфической формы государства (курсив мой. — Л.Г)”³. Нетрудно заметить, что, хотя термин “производственные отношения” здесь отсутствует, речь по существу идет именно о данной категории, причем взятой в подчеркнута общей форме (всегда, всякая...). Это видно из положения, которое “отношения собственников и производителя” занимают “между” производительными силами и надстройкой (в следующем предложении Маркс прямо называет их экономическим базисом).

Если спросить у первого встречного в нашей стране (думаю, даже не экономиста), кого имеет в виду Маркс под “непосредственным производителем”, он без запинки скажет: рабочего, крестьянина. Без риска сильно ошибиться, готов утверждать, что примерно такой же ответ даст едва ли не любой отечественный марксист, добавив к ним, возможно, общинника, ассоциированного трудящегося. Он точно знает, что Маркс в “Капитале” изложил свою “политическую экономию труда”. Более того, сам Маркс на соседних страницах, рассматривая разные виды земельной ренты, недвусмысленно высказывается в таком же духе — кто трудится, проливает пот, тот и является “непосредственным производителем”. Тем не менее, если с уважением отнестись к III тому “Капитала” в целом, а тем более к опубликованному самим автором I тому этого произведения, то придется сделать вывод: для капиталистического способа производства в приведенной выше формуле непосредственным производителем может быть назван только капиталист, но никак не наемный рабочий, хотя именно его трудом, согласно теории Маркса, создается стоимость.

Напомню, в III томе “Капитала” Маркс разделяет два вида монополии на землю — монополию собственности и монополию ее хозяйственного использования. Аналогичный подход там же применяется и при анализе деления капитала на капитал-собственность и капитал-функцию. Вспомнив к тому же классическое различие между пчелой и самым плохим архитектором из I тома “Капитала” — только второй сознательно формирует цель предстоящей деятельности (“чего и сколько производить”), которой затем сама деятельность *подчиняется* как закону, — мы должны признать, что именно капиталист, а не наемный рабочий является непосредственным производителем. Он производит самое главное — хозяйственные решения — и отвечает своим имуществом (а также личной свободой или даже жизнью не только в Великобритании времен Маркса, но в современной России, о

³Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25. ч. II. с. 354.

чем напоминает и “дело ЮКОСа”, и “разборки” наших “деловых” людей) за получаемые результаты.

Именно в такое понимание “отношений собственности”, или “производственных отношений”, хорошо укладываются и зачаточные, и самые современные формы капиталистических производственных отношений. Например, на заре развития капитализма в России капитал проникал в жизнь крестьян и ремесленников через централизацию торговли (сначала сбыта готовой продукции, потом снабжения материалами). Работники, хотя и использовали собственные орудия труда, самостоятельными хозяевами в буквальном смысле слова уже не являлись. Они были только собственниками всех условий производства, в том числе и в первую очередь рабочей силы, но были вынуждены применять их так, как диктовал им конкретный “организатор производства”, “заказчик”, а не безликий рынок.

Более того, наемное рабство именно потому может называться рабством, что представляет собой шаг назад от феодализма: носитель рабочей силы хотя и собственник одного или даже всех условий процесса производства материальных благ, но уже не его хозяин. Иными словами, он отчужден от хозяйственного процесса, в котором участвует только как исполнитель. Поэтому проблемы мотивации трудовой активности периода заката рабовладения и современного капитализма имеют довольно много общего. Можно обнаружить и сходство “рецептов” лечения этой болезни — переход к колонату в одном случае, многообразные формы “диффузии” собственности, участия в прибылях и тому подобное — в другом. Кроме того, в современных условиях отношение между собственником средств производства и рабочим отнюдь не является непосредственным, а вот отношение найма между собственником рабочей силы и реальным хозяйствующим субъектом (будь то обычное капиталистическое предприятие, акционерное общество, кооператив или что-то другое) остается непосредственным, причем отношением именно найма, аренды, а не обмена.

Если внимательно присмотреться к актам обмена и аренды, которые, конечно, роднит возмездность отношений (“ты мне — я тебе”), то можно заметить разницу между ними в отделении монополии собственности от монополии хозяйствования. Когда благо при обмене меняет собственника, то монополия его хозяйственного использования полностью и навсегда (а не частично и на время, как при аренде) переходит от продавца к покупателю, а монополия собственности остается за продавцом (при эквивалентном обмене) только на его стоимость (“ценность”). Монополия собственности на результат хозяйствования есть следствие монополии хозяйствования непосредственно в процессе преобразования одних предметов в другие в определенных условиях. Претензии любого собственника исходных предметов или условий на собственность результата хозяйствования (типа: “земля моя, значит, и все, что на ней произрастает, тоже мое, кто бы к этому ни прикладывал руки или голову”) не имеют под собой никаких оснований. Так любой кредитор может претендовать не только на процент, но и на весь результат использования кредита. В чем же тогда будет интерес хозяйствующего субъекта?

Этот вопрос, к сожалению, не является риторическим. В нашей стране “юристы-марксисты” так и не освоили реальную логику (если угодно, “диалектическую логику”) хозяйствования и присвоения. Об этом, в частности, свидетельствуют поправки в закон о «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», внесенные Правительством РФ в Государственную думу в первом полугодии 2004 г. и направленные на лишение вузов каких-либо имущественных прав на результаты своей деятельности. В частности, предлагается *исключить из закона* п. 2 ст. 27: “Высшему учебному заведению принадлежит *право собственности* на денежные средства, имущество и иные объекты собственности, переданные ему физическими и юридическими лицами в форме дара, пожертвования или по завещанию, *на продукты интеллектуального и творческого труда*, являющиеся результатом деятельности высшего учебного заведения, а также на доходы от *собственной деятельности* и приобретенные на эти доходы объекты собственности”, и п. 4 ст. 28: “Не использованные в текущем периоде (год, квартал, месяц) средства *не могут быть изъяты* у государственных высших учебных заведений или зачтены в объем финансирования этих высших учебных заведений на последующий период⁴”. В современной экономической теории такое поведение классифицируется как позиция “кочующего бандита”, от которой далеко даже до позиции “оседлого бандита”, не говоря уже о поведении “правительства” (М. Олсон). Можно не сомневаться, что “по начальству” все подобные предложения были доложены как продукт коллективной мысли ведущих ученых и деятелей высшей школы, разработанный во исполнение высочайших указаний и в полном соответствии с действующей Конституцией.

Конечно, государство не может или, по крайней мере, не должно быть подобным “бандитом” в собственной стране. Оно — собственник самого разнообразного имущества. Но если это имущество используется не им самим, а другими субъектами, в том числе и нанятыми непосредственно государством, то между ними неизбежно возникают отношения арендно-рентного типа. Это может быть и продуктовая рента (“оброк”) в виде централизованных плановых заданий по производству продукции в натуральном выражении, и отработочная рента (“барщина”) в виде сельскохозяйственных и иных работ по разверстке местных властей, и многое-многое другое независимо от того, принимает это “юридически правильную” форму “собственников условий и непосредственных производителей” или нет. В любом случае взаимодействующие с государством агенты имеют что-то “в остатке” от своей собственной активности, а не кормятся только “из руки” государства. Иначе они — не реальные субъекты, а фантомы, а на самом деле — рабы.

Почти двести лет назад Пушкин назвал правительство единственным европейцем в нашей стране. Вряд ли сейчас он смог бы повторить свои слова. Как Вы думаете, уважаемый читатель, кто и о чем написал следующее: “Обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм”? Правильно, товарищ преподаватель, это написал Маркс о Германии образца 1875 г. в “Критике Готской программы”⁵. А Вы о чем подумали, господин студент? (А вот еще одна цитата из той же работы Маркса: “В Германской империи “государство” почти так же “свободно”, как в России”⁶. Глядя на современную Германию, хочется надеяться, что у России — прекрасные перспективы!)

⁴ Лет двадцать лет назад Н. Рыжков, в то время секретарь ЦК КПСС, курирующий вопросы экономики, на одном из совещаний с почти детской гордостью сообщил о том, что впервые в практике советского хозяйствования именно ему удалось добиться выполнения зафиксированного в нормативных актах положения: “остатки валютных средств государственных предприятий в конце года в доход бюджета не изымаются”.

Модель “идеальной фирмы”, излагаемая в любом вводном курсе экономической теории, в точности соответствует только что изложенной концепции производственных отношений⁷. Поэтому можно сказать, что современный студент здесь учится “по Марксу”, сам об этом даже не подозревая, в отличие от студентов прошлых десятилетий, которые думали, что учатся “по Марксу” а на самом деле... На самом деле они в лучшем случае учились “по Энгельсу”, о чем мы поговорим чуть позже, а в подавляющем большинстве случаев — еще и “по Сталину”. Формула “от каждого — по способностям, каждому — по труду”, как это ни покажется странным многим отечественным знатокам марксизма-ленинизма, отсутствует не только в работах Маркса, но и Ленина, и появляется в работах именно Сталина. Еще прагматик Оуэн заметил, что, когда человек получает “по труду”, он работает не “по способностям”, а по тому, как заплатят. Затем Маркс в “Критике Готской программы” отметил буржуазное происхождение распределения “по труду”, узость соответствующего права⁸, а Ленин в “Государстве и революции” к этому добавил, что, «получая “по труду”, каждый с черствостью Шейлока считает, не переработать бы лишних полчаса, не получить бы меньше, чем другой»⁹. Замена выражения “каждый по способностям” из коммунистического принципа распределения на “от каждого...” сразу приводило людей в казарму, а в сочетании с распределением “по труду” — и на скотный двор, причем в качестве рабочего скота, а не скотника. Управлению посредством “кнута и пряника” прекрасно поддаются лишь животные.

Надо ли вводить в явном виде работы Маркса в учебные программы преподавания экономики в массовом порядке? Не уверен. Во всяком случае, на рынках факторов производства теория стоимости, предложенная им, не работает. Ни один из них не является продуктом труда, а поэтому теория двойственности товара как следствия двойственности производящего его труда не применима. Тот факт, что цена капитала — процент — не содержит ничего от стоимости, отмечал и сам Маркс. “Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией”¹⁰. А цена земли — это капитализированная рента, также прямо зависящая от процента. Что же касается труда, то в свое время М. Туган-Барановский заметил, что товар “рабочая сила” никак не может быть поставлен в один ряд с другими товарами потому, что не существует труда, который его создает “в противоречивом единстве стоимости и потребительной стоимости”.

“С точки зрения социальной теории распределения, — пишет Туган-Барановский, — надо раньше всего установить, чем отличается рабочая сила от всех остальных товаров. Все остальные товары представляют собой внешние продукты или

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 28.

⁶ Там же, с. 26.

⁷ Подробнее см.: Гребнев Л. “Собственность и хозяйствование”: комментарии к новому образовательному стандарту. — Вопросы экономики, 2001, № 3.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 20.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 96.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I., с. 391.

средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные объекты. Рабочая сила человека — это сам человек, то есть не объект, а субъект хозяйства...

Как бы ни был принижен рабочий, все же он — не рабочий скот капиталиста: он свободен за пределами рынка и у себя дома живет не для того, чтобы создавать рабочую силу капиталисту, а для себя, для удовлетворения своих потребностей.

Рабочую силу можно рассматривать как хозяйственное средство производства. Но разве это средство производства само произведено? Если мы ответим утвердительно, то мы, очевидно, должны указать производителя этого товара. Кто он? Конечно, не капиталист-предприниматель, в предприятии которого занят рабочий... Итак, производит рабочую силу сам рабочий?.. Тело рабочего, чтобы существовать и быть годным для работы, нуждается в потреблении средств существования, а эти последние нужно сначала произвести. Итак, может быть, труд, расходуемый на производство средств существования рабочего, и является трудом, производящим его рабочую силу?

Конечно, необходимо затратить труд, чтобы добыть средства существования рабочего, которые бы сделали возможным его труд. Но потребление этих средств существования нельзя считать хозяйственной деятельностью...

Итак, нелепо говорить о производстве рабочей силы. Рабочую силу никто не производит. Она сама появляется как результат жизни рабочего, в сложном процессе, слагающемся под действием различных общественных факторов”¹¹.

Вообще смешение качественно различных возмездных отношений — симметричных “по построению” отношений “купли — продажи” и асимметричных отношений “аренда — рента” по поводу использования ресурсов уже во второй половине XIX в. стало отходить в прошлое и сейчас практически полностью изжито в том, что называется основным течением экономической мысли: «“Рентой” называют плату за использование ресурсов — земли, труда, оборудования, идей или даже денег. Рента за использование труда обычно называется “заработной платой”, плата за пользование землей и оборудованием — “рентой”, плата за использование идеи — “роялти”, а плата за пользование деньгами — “процентом”»¹². Кроме того, анализ форм стоимости, предпринятый на первых страницах “Капитала” (простая — развернутая — всеобщая — денежная), пригоден только для симметричных сделок “купли — продажи”, но не для описания отношений арендо-рентного типа.

Можно сказать больше: только в симметричных сделках обмена можно увидеть полный аналог измерений “подобного подобным”, широко применяемым и в хозяйственной жизни, и в естественных науках. Рассуждения Маркса об относительной и эквивалентной формах стоимости легко наложить, например, на измерение массы тела при помощи рычажных весов или его пространственных параметров при помощи любых механических “эквивалентов”. В каждом таком случае, действительно, есть некая качественно однородная “субстанция”, общая для соизмеряемых тел. При этом количественное выражение результата “относительного” измерения может быть самым разным в зависимости от того, какой предмет используется в качестве эквивалента. (“А в Попугаях-то я гораздо длиннее”, — заметил Удав из замечательного мультфильма “38 попугаев”.)

¹¹ Туган-Барановский М. Социальная теория распределения (цит. по Гребнев Л. О чем писал М.И. Туган-Барановский. — Экономические науки, 1990, № 5, с. 72 — 79)

¹² А. Алчян, Рента. В кн.: Экономическая теория (New Palgrave), с. 724.

Субстанцией симметричных сделок обмена материальными благами является время жизни людей, так или иначе затрачиваемое на их производство, а потому “вычитаемое” из их целой жизни, если угодно — из свободного времени, досуга. Это “придумал” не Маркс. Вот что об этом можно найти, например, у С. Булгакова: “Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство... Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как темное предчувствие лежит в основе так называемых трудовых теорий ценности в политической экономии... Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое значение труда... *Политическая экономия*, хотя и с самого своего возникновения *не расставалась с принципом труда*, но в силу низкой степени *философской сознательности* и ограниченности ее духовных горизонтов не знала, как ей воспользоваться этим принципом... Политическая экономия [в лице А. Смита и других] сузила понятие труда до “производительного” труда, выражающегося в материальных благах... Фактически экономический материализм есть господствующая философия политической экономии. *Практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм*... Но в действительности труд лежит еще глубже, поэтому, хотя *трудовая теория ценности незащитима в строгой форме*, предчувствие роли труда в политической экономии *опережало философию* (курсив мой. — Л.Г.)”¹³.

Маркс только предложил свое обоснование пропорций обмена (“купли — продажи”), подверстав под них, к сожалению, и отношения распределения (“аренды — ренты”). Надо сказать, что равенство цен средним затратам труда — живого и овеществленного — не оспаривается и современной экономической теорией для случая отраслевых рынков совершенной конкуренции (наряду с равенством цен предельным затратам). Однако при этом вопрос о субстанции затрат считается совершенно неуместным, принадлежащим только истории науки. Можно также добавить, что один из трех методов расчета валового внутреннего продукта — по факторным доходам — также опирается на качественное отличие отношений по поводу использования факторов производства материальных благ от отношений по поводу дальнейшего движения этих благ, на которые опираются два остальных метода расчета ВВП.

Короче, если брать реальный научный смысл того, что сам Маркс понимал под производственными отношениями, то он не противоречит линии развития экономической теории, начатой маржиналистской революцией, очевидцем которой довелось быть и Марксу. Причем именно он, похоже, первым оценил всю ее глубину, фундаментальность. “В 1872 году, в возрасте 54 лет, когда развал Интернационала и победа лассальянцев стали очевидной неизбежностью¹⁴, он [Маркс] прекращает работу над вторым и третьим томами “Капитала” и до конца жизни к ним практически не возвращается. И никто, даже ближайшие

¹³ См., например: Булгаков С. Философия хозяйства (1912) в его: Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1993, т. 1, с. 126–132.

¹⁴ От себя добавлю: в 1871 г. Джевонс опубликовал свою “Теорию политической экономии” (Jevons W. Theory of Political Economy. London, 1871).

друзья, включая Энгельса, об этом не подозревают. Лишь в 1883 году, разбирая рукописи умершего друга, Энгельс обнаруживает, что все материалы, имевшие отношение к “Капиталу”, то есть черновики второго и третьего томов, написаны готическими буквами, тогда как начиная с 1873 года (и это — дополнительный показатель того глубочайшего мировоззренческого кризиса, который Маркс переживает в это время) Маркс пользуется исключительно латинскими”¹⁵.

Ф. Хайек данное обстоятельство не только подмечает, но и комментирует: “Стоит упомянуть об указании Иоахима Рейга (в предисловии к испанскому переводу работы Е. фон Бем-Баверка, посвященной марксовой теории эксплуатации, 1976) на то, что сам Карл Маркс после изучения трудов Джевонса и Менгера, по-видимому, совершенно прекратил дальнейшую работу над проблемой капитала. Если это так, то его последователи явно уступают ему в мудрости”¹⁶. Следует отметить, что в этой работе Хайек дает интерпретацию вклада Милля, прямо противоположную интерпретации А. Гайдара и В. Мау: “Осознание истин, на которых основывается теория предельной полезности, было *задержано* из-за влияния, оказанного Джеймсом Миллем на Давида Рикардо, а также из-за работ самого Карла Маркса. Попытки добиться монокаузальных объяснений в таких областях *предпринимаются до сих пор* (в Англии этому способствовало исключительное влияние Альфреда Маршалла и его школы). *Самую важную роль* тут сыграл, пожалуй, Джон Стюарт Милль... его доктринерская уверенность, что “в законах ценности нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору”... Из-за влияния, которым так *долго* пользовались идеи Милля, “маржиналистская революция”, наконец-то произошедшая через *25 лет*, произвела эффект разорвавшейся бомбы (курсив мой. — Л.Г.)”¹⁷. Сравните: “К моменту их публикации построения Маркса выглядели уже несколько устаревшими. К этому времени [1867 г. — Л.Г.] уже вышли в свет первые работы представителей австрийской школы, выполненные в рамках субъективной теории полезности, опубликованы продолжающие и развивающие классическую традицию труды Д.С. Милля, в которых он делает серьезный шаг за границы рикардианского мира” (№ 5, с. 6–7). Похоже, не все в порядке с представлениями о датах публикаций работ в позапрошлом веке у авторов разбираемой статьи, один из которых — специалист по истории экономической мысли. Уместно указать и на еще один прокол этих авторов, уже по части экономической истории: “По пути Англии, вслед за Бельгией и Голландией пошли Франция, США и затем Германия” (№ 5, с. 13). Но даже сейчас уже школьники должны знать, что Нидерланды встали на путь капиталистического развития раньше, чем Великобритания. В стандарте преподавания основной (не старшей) школы есть соответствующая позиция: “Нидерландская и английская буржуазные революции”.

¹⁵ Лобок А. Подсознательный Маркс. Екатеринбург, Средне-Уральское книжное издательство, 1993, с. 269.

¹⁶ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости/Catallaxy, 1992, с. 255.

¹⁷ Там же, с. 253–254.

После начала маржиналистской революции Маркс берется за штудирование доступных ему в Лондоне англоязычных трактатов по исчислению бесконечно малых величин, их методологическое осмысление, которое не нашло затем применения в его собственных экономических произведениях по той причине, что их он больше не писал. В последние годы жизни он занимался не только математикой, русским языком и историей, но и геологией. Словом, чем угодно, только не экономикой. Этот немаловажный факт был отмечен в самом начале статьи А. Гайдара и В. Мау, правда, без ссылок на других авторов, но остался без внимания их оппонентов — А. Бузгалина и А. Колганова.

Марксизм: между наукой и политикой

Как видно из представленного выше небольшого разбора всего одной цитаты Маркса, нет оснований говорить о некоей цельной, терминологически выверенной теории производственных отношений, законченной самим Марксом. Тот, кто ближе к науке, научной теории, будет, по-видимому, держаться одного понимания словосочетания “непосредственный производитель” применительно к капитализму, развитой рыночной экономике (“капитал-функция”, “предприниматель”), тот, кто ближе к политике, “светской религии”, скорее всего скажет: “фабрики — рабочим, как учит великий Маркс”. В наукообразной форме это выглядит примерно так: “Л. Вальрас делил всех агентов производства на две группы: владельцев производительных услуг (земли, труда и капитала) и предпринимателей. Это *основополагающее* деление общества (*на владельцев факторов производства и предпринимателей*), которое с тех пор вошло во все *буржуазные* учебники политэкономии, не раскрывает, маскирует коренную дихотомию буржуазного общества — на пролетариат и буржуазию. Таким образом, в самой основе математических моделей Вальраса заложен рыночный подход к экономическим явлениям (курсив мой. — Л.Г.)”¹⁸.

Приведенную выше примечательную цитату из III тома “Капитала” можно сравнить с картинкой, отображенной на рисунке. Она представляет собой известный психологический тест, показывающий действие того, что психологи называют “установкой”. В зависимости от того, на что вольно или невольно настроится зритель, он увидит на одном и том же рисунке либо молодую девушку, либо весьма пожилую даму. Эта “двойственность” восприятия обусловлена тем, что наряду с вполне определенными линиями на рисунке есть и неясные, *неопределенные* фрагменты, допускающие разные варианты “*домысливания*”, определения их самих и картины в целом (можно сказать, что домисел представляет собой часть смысла). В частности, в центре рисунка есть нечто, *домысливаемое* (причем бессознательно, автоматически, как следствие выбранной “установки”) либо как глаз, тогда ближайшая определенная кривая линия воспринимается как нос и в целом видится старуха (левый полупрофиль спереди),

¹⁸ Всемирная история экономической мысли. М., Мысль, 1989, т. 3, с. 160.

либо как ухо, тогда эта же линия воспринимается как левая скула и в целом видится девушка (тоже левый полу-профиль, но уже сзади). Что действительно невозможно, так это одновременно видеть и девушку, и старуху. Понятно также, что споры между теми, кто видит только одно из изображений и не способен увидеть другое, могут продолжаться до бесконечности.

Рис.

Так и в нашем случае с высказыванием Маркса. Только от читателя зависит выбор “установки”. Повторю: выбрав науку, читатель попадет в компанию ученых, которые в советские времена назывались буржуазными. Кроме того, ему придется освоить математику в объеме, необходимом для понимания, например, работы М. Моришимы “Экономическая теория Маркса”¹⁹ или хотя бы учебника Т. Негиши “История экономической теории”²⁰. Возможно, он согласится с тем, что количественный аспект теории стоимости целиком принадлежит истории, но ее качественный аспект сохраняет значение²¹. Сможет он и продолжать изучение вопросов формального и реального подчинения труда капиталу, используя доступные современные данные, равно как и вопросы освобождения труда от капитала, опять-таки формального и реального.

Выбрав политику, читатель попадет в совсем иную компанию. Из “Капитала” ему, по-видимому, придется запомнить только два слова с последней страницы: “Экспроприаторов экспроприируют”. В качестве эрзац-библии надо будет вооружиться “Манифестом Коммунистической партии” и другими работами, которые сам Маркс в 1860-е годы, раздосадованный растущим как на дрожжах культом личности Лас-саля, в частной переписке назвал “партийными экскрементами двадцатилетней давности”²².

¹⁹ Morishima M. *Marx's Economics*. Cambridge University Press, 1973.

²⁰ Негиши Т. *История экономической теории*. Учебник. Под ред. Л. Любимова и В. Автономова, М.: Аспект Пресс, 1995. В главе “Экономическая теория Маркса” Маркс назван одним из величайших в истории экономистов и, в частности, отмечается, что “марксова теория понижения нормы прибыли подтверждается с помощью нелинейной динамической модели конкуренции между капиталистами” (с. 227).

²¹ «Сен указывал (Sen A. On the Labour Theory of Value: Some Methodological Issues. — *Cambridge Journal of Economics*, Oxford University Press, 1978, vol. 2, No 2, June, p 175–190), что внимание к человеческому вкладу в производство так же естественно, как внимание к роли художника в скульптуре. Действительно, критики теории стоимости могут задать себе вопрос, почему они готовы рассматривать производительность труда в качестве важной категории (во все времена, во всех странах и т.д.), но возражают против концепции трудовой стоимости (которая всего лишь представляет собой величину, обратную производительности труда». См.: Глин Э. *Марксистская экономическая теория*. В кн.: *Экономическая теория* (New Palgrave), с. 534–535.

²² Маркс К. и Энгельс Ф. *Соч.*, т. 30, с. 302.

Я бы сказал, что А. Гайдар и В. Мау очень сильно преувеличили научность “Манифеста...”, поставив его в один ряд с “Капиталом”. Текст, который “на полном серьезе” начинается словами “*Призрак* бродит по Европе...”, а заканчивается призывом-*заклинанием*, обращенным к пролетариям всех стран, всегда был по своему жанру крайне далек от науки. Всего 25 лет спустя после его опубликования он самими авторами рассматривался как исторический документ, который они уже не вправе изменять²³. В предисловии ко второму русскому изданию 1882 г. Энгельс прямо пишет: “Задачей “Коммунистического манифеста” было *провозгласить* неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности (курсив мой. — Л.Г.)”²⁴. Восемь лет спустя еще в одном предисловии Энгельс пишет: “Сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим силам, впервые мобилизованным в *одну* армию, под *одним* знаменем, ради *одной* общей ближайшей цели — для того, чтобы добиться законодательного установления нормального восьмичасового рабочего дня... И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран ныне действительно соединились (курсив мой. — Л.Г.)”²⁵.

В любом случае это будет выбор именно читателя, который и должен нести за него ответственность, а не выбор Маркса. Сам Маркс, по видимому, разделял со своими современниками **веру** во всемогущество науки, в возможность однозначного научного обоснования любых практических шагов в политике. Не исключено, что остатки такой веры питают и инициаторов нынешней дискуссии, о чем, в частности, свидетельствует их надежда на упорядочение взглядов российской общественности на общественный прогресс, на их научное обоснование: “Это тем более важно, что осколки марксизма глубоко укоренились в сознании наших сограждан, причем по преимуществу не в виде научной теории, а в вульгаризованном, обращенном в культ наборе догм” (№ 5, с. 7).

Возможно, кто-то из наших ученых, считающих себя марксистами, скажет, что я не прав, что совсем другое в марксизме понимается под производственными отношениями, а именно, отношения по поводу производства, обмена и распределения (иногда плюс потребления) материальных благ, что именно об этом писал Энгельс в “Анти-Дюринге” с ведома и одобрения Маркса, написавшего к тому же одно из глав. Вынужден огорчить коллег. “Анти-Дюринг” — не учебник, а полемическая работа, иначе Маркс в этой главе уделил бы внимание, помимо Петти и Кенэ, в первую очередь вкладу в науку Смита и Рикардо, а также Локка, Юма, а не взглядам греков, пусть и таких выдающихся, как Аристотель и Платон.

Когда-то в России это неплохо понимали. “Хотя Энгельс и противопоставляет взглядам Дюринга свои и марксовы взгляды, все же это противопоставление и обоснование основных положений теории строится часто не в систематическом порядке, но приспособляясь к ходу

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 90.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 63.

полемики с Дюрингом; в связи с этим, выдвигаются, подчеркиваются то одни, то другие стороны теории, сообразно с тем, какие из них в данный момент лучше выражают различие взглядов, лучше подчеркивают не-правильность взглядов Дюринга. ...в силу указанных выше особенностей трудов Энгельса, нельзя изучать его воззрения на основе отдельных, оторванных друг от друга, отрывков из его произведений, необходимо привести их связь как друг с другом, так и с общим учением Энгельса об обществе”²⁶. Но от таких “понимающих” довольно быстро избавились “по принципиальным соображениям”. На самом деле формулировка: “политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе”²⁷ не содержит в себе ничего собственно марксистского. Здесь Энгельс повторил то, что задолго до “марксистов” писали Милль и Маккуллох: “Джеймс Милль (1821) и Маккуллох (1825) определяли ее [политическую экономию] как систематическое исследование законов, управляющих производством, распределением, потреблением и обменом товаров или продуктов труда”²⁸.

Сам Маркс последовательно избегал сведения материального производства к производству благ, предпочитая говорить о производстве жизни. Об этом свидетельствует и начало той цитаты, которую приводят А. Гайдар и В. Мау: “В общественном *производстве своей жизни* люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения... Способ *производства материальной жизни* обуславливает социальный, политический и духовный процессы *жизни вообще* (курсив мой. — Л.Г.)” (№ 5, с. 12–13). Причем этот сдвиг внимания с объектов на процесс, с вещей, благ на жизнь, — не некая небрежность или стремление к оригинальности. Здесь Маркс следует за Гегелем, за его “Наукой логики”, в которой категория “жизнь” является частью логической системы, причем появляется в ней только на самом глубоком уровне, в учении о понятии. Позже, конспектируя Гегеля, это заметил и по-своему оценил Ленин: “Мысль включить *жизнь* в логику понятна — и гениальна...”²⁹.

Для нескольких поколений наших экономистов основу их категориального аппарата составляли известные схемы К. Маркса, описанные в “Капитале” и “Введении” из “Экономических рукописей 1857 — 1859 годов”. Именно во “Введении” он дал свое описание производства, распределения, обмена и потребления как взаимосвязанных моментов материального производства безотносительно к какому-либо определенному способу производства. Это описание широко используется и сейчас несмотря на его историческую ограниченность.

В самом деле, что в данном описании в центре внимания, чья жизнь — людей или вещей? Вещей. Именно они производятся, распределяются, обмениваются и потребляются. Маркс во “Введении” не столько излагает свой подход к воспроизводству жизни общества, сколько

²⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924, т. I, с. 415 — 416.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 150.

²⁸ Груневеген П. “Политическая экономия” и “экономическая наука”. В кн.: Экономическая теория (New Palgrave), с. 682.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 184.

ко критикует метафизичность подходов буржуазных ученых, искусственно разрывающих эти моменты жизни вещей в процессе жизни человека и общества. По сути дела, все это рассуждение, имеющее вид универсального, всеобщего, относится главным образом к капиталистическому способу производства.

Но нам, экономистам, проще иметь дело с благами: “Экономисты обычно пишут о производстве и воспроизводстве общественного продукта, национального дохода, производительных сил. Вопросам воспроизводства общества и человека больше внимания уделяют философы: у них имеются довольно серьезные попытки преодолеть сведение производства к производству вещей, продукта, выйти на объяснение производства самой непосредственной человеческой жизни, социальных отношений, образа жизни”³⁰. Это демонстрируют и инициаторы дискуссии, оперируя во второй части статьи привычными показателями ВВП на душу населения и налоговой нагрузки. Многого из этого не выжмешь, но тем не менее объективные исследования западных, в том числе далеких от марксизма авторов, на которые они ссылаются, показали «устойчивые, хотя и не жестко детерминированные связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими характеристиками, развитием образования, показателями здоровья нации» (№ 6, с. 31). Кто-то увидел в этом “торжество марксистских идей”, кто-то из-за растущего отставания “социалистических стран” все громче говорил о несостоятельности марксизма. Но причем здесь сам Маркс, его видение мирового развития в целом, его “философия истории”!?

Оглядываясь назад, можно сказать, что маржиналистская революция в экономической теории не только “запечатала” уста Маркса, но и стала преградой на пути его идей в нашу страну. Один характерный пример: перевод термина “Wert”, “value” на наш язык. Некоторые авторы использовали слово “ценность”, особенно “легальные марксисты”, а также “любимец партии” большевиков Бухарин. Другие использовали слово “стоимость”. Нетрудно видеть, что смысл словосочетания “потребительная ценность блага” при его сопоставлении с “меновая ценность” того же блага понятен без особых научных комментариев любому, кто владеет русским языком. Этого нельзя сказать о словосочетании “потребительная стоимость”, которое выглядит искусственным “научным” термином. Победил второй вариант исключительно по политическим, “классовым”, а не научным соображениям. В предисловии к переводу “Капитала”, сделанному в начале XX в. противниками “легальных марксистов”, выбор в пользу варианта “стоимость” объяснялся именно тем, что вариант “ценность” влечет за собой целую теорию, в корне враждебную учению К. Маркса, — теорию предельной полезности, где термин “Wert” является таким же ключевым, как и в экономической теории К. Маркса³¹.

Искажались взгляды Маркса и когда понятие “Verkehr” (движение, связь, общение и др.) переводилось на русский язык как “обмен”,

³⁰ Ельмеев В. Воспроизводство человека и общества. М., 1988. с. 11.

³¹ Маркс К. Капитал. Под ред. В. Базарова и Н. Степанова, общ. ред. А. Богданова. М.: Московское книгоиздательство, 1909, т. I, с. VI, XI.

хотя в немецком языке слову “обмен” соответствует “Austausch”, или когда совершенно различные по смыслу термины “Gemeinschaft” и “Gesellschaft” одинаково переводились на русский язык как “общество”.

Эту ошибку совершали не только в “темные сталинские” времена, но и в “светлые горбачевские”. В 1989 г. при издании работ Бухарина, уже знавшего об идеях Ф. Тенниса, но не понимавшего их вторичность по отношению к Марксу³², издатели “под Бухарина” перевели “Gesellschaft” как “все общество в целом”³³. Аналогичные трудности излишне “марксистски” ориентированные переводчики с английского испытали уже в наши, совсем просвещенные дни, когда в работе Ф. Фукуямы “Великий разрыв”³⁴, будучи не в силах дать адекватный перевод термину “Gesellschaft”, указали в скобках: “общество”, хотя по смыслу видно, что речь идет не об обществе как таковом, “обществе в целом”, а всего лишь об объединении, товариществе. Иначе говоря, о том “обществе”, которое может быть “с ограниченной ответственностью (ООО)”, “ЗАО” и т.д. в полном соответствии с обычным российским законом, а не “законом” какой-либо общественной науки. Соответствующий перевод имелся и в массовых немецко-русских словарях 1980-х годов.

По-видимому, только Г. Батищеву удалось в максимальной степени учесть нюансы применения упомянутых терминов Марксом, однако его работа в 1984 г. могла быть всего лишь депонирована в ИНИОН АН СССР. Достоянием широкой научной общественности она стала только в самом конце прошлого века. “Достоинства марксовой неперiodизирующей типологии [общностей] делаются хорошо видны при сравнении ее с другой, построенной на различении [только] общностей “Gemeinschaft” и “Gesellschaft” типологией, предложенной (известным именно ею) немецким социологом Фердинандом Теннисом”³⁵.

Философия и “конец истории”

В целом можно сказать, что экономистам в нашей стране в XX в. повезло значительно меньше, чем философам, многие из которых осваивали немецкий язык, чтобы быть ближе к своему “источнику” марксизма, а потому и самого Маркса могли читать в подлиннике. Нам же, экономистам, в подавляющем большинстве даже Гегеля (и Канта) приходилось читать только по-русски — кто сколько осилит. Кто-то (скорее всего, большинство, особенно ориентированное на прикладные исследования) ограничивался первой частью “Науки логики” — учением о бытии — и всю жизнь обходился категориями качества и количества, благо в экономике количественных показателей много, а также скачка, понимаемого главным образом как революция, политичес-

³² Tonnis F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig, 1887.

³³ См.: Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989, с. 381, 497 (издан ИМЛ при ЦК КПСС).

³⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: Ермак, 2004, с. 19.

³⁵ Батищев Г. Введение в диалектику творчества. СПб.: Издательство РХГИ, 1997, с. 368.

кое потрясение. Кто-то (по большей части теоретики, например, на кафедре политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, у которых учились и инициаторы данной дискуссии, и их оппоненты) осваивал вторую часть — учение о сущности — и широко применял категорию “диалектическое противоречие”. Возможно, кто-то добирался и до третьей части — учения о понятии. Тем не менее всем нам (и себе тоже) “дедушка Ленин” давно уже поставил в “Философских тетрадах” “неуд” за изучение “Капитала”: “Афоризм: Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ? века спустя!!!”³⁶. Уровень понимания самим Лениным учения Гегеля о субъективном понятии отражен в такой, например, пометке, сделанной им в процессе чтения: “These parts of the work should be called: a best means for getting a headache!”³⁷. Видимо, головная боль пошла Ленину на пользу — именно после завершения штудирования “этих частей работы” он понял, что не понял Маркса.

К сожалению, нам, российским экономистам, не помогает даже знакомство с отечественными философами, очень неплохо знавшими Маркса и писавшими на экономические темы, например, с Э. Ильенковым, учениками которого объявляют себя А. Бузгалин и А. Колганов. К «недиалектическому “концу истории”», который непонятно кому приписывают А. Гайдар и В. Мау и от которого всячески открещиваются их оппоненты, мы еще вернемся. А пока отмечу, что и с переводами философских терминов с немецкого языка на русский и с их пониманием самими философами ситуация ненамного лучше, чем с экономическими.

Например, Э. Ильенков известен как автор наиболее глубоких работ по проблемам идеального на русском языке, равно как и по диалектике абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. А вот что о нем пришлось написать его старшему товарищу, философу и искусствоведу М. Лифшицу: “В русском языке, к сожалению, нет двух слов для передачи понятий *ideale* и *ideelle*... Так и получилось, что в русской марксистской литературе марксово “*ideele*” переводится как “идеальное”, а имеются в виду идеи нашей головы, нечто умственное, относящееся к сознанию. Все прекрасные цитаты, приведенные Эвальдом Ильенковым [в статье “Проблемы идеального”]³⁸ для обоснования своего тезиса, имеют в виду не идеальное, а принадлежащее к содержанию человеческой мысли, которая может быть как идеальна, так и совсем не идеальна. Этим я не хочу сказать, что Ильенков не обращается к немецкому тексту “Капитала”. Это не так. Он однажды даже упоминает различие двух терминов, *ideele* и *ideale*, ссылаясь на то, что в русских переводах Гегеля термин *ideele* передается как “идеализированное”. Но странным образом это не связывается у него с проблемой идеального в собственном смысле слова”³⁹.

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

³⁷ “Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли”. Там же, с. 158.

³⁸ В статье: Ильенков Э. Проблемы идеального. — Вопросы философии, 1979, № 7.

³⁹ Лифшиц М. Об идеальном и реальном. — Вопросы философии, 1984, № 10, с. 130.

Да, не приходил к нам Мавр ни в экономической теории, ни в философии!

А как с “концом истории”? На самом деле совсем не так, как это представляют оппоненты А. Гайдара и В. Мау — А. Бузгалин и А. Колганов, когда утверждают: “Маркс *никогда* не трактовал коммунизм как некую завершающую стадию общественного развития” (№ 7, с. 139). Очень даже трактовал — и он сам, и его друг Энгельс. В 1844 г. именно Маркс написал слова: “Коммунизм как положительное *упразднение* частной собственности — есть *действительное разрешение противоречия* между человеком и природой, человеком и человеком, ... между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — *решение загадки истории...* Поэтому *все* движение истории есть... действительный акт *порождения* этого коммунизма (курсив мой. — Л. Г.)”⁴⁰. А вот что писал много лет спустя Энгельс: “Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. *Прекращается* борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле *окончательно* — выделяется из царства *животных* и из звериных условий существования переходит в условия действительно *человеческие* (курсив мой. — Л. Г.)”⁴¹.

Напрасно, по-моему, А. Бузгалин и А. Колганов кипятятся, обвиняя оппонентов в фальсификации и чуть ли не глупости: “... Приписывая марксизму фукуямовскую идею “конечности истории”, они намеренно фальсифицируют факты. Так что в данном случае мы сталкиваемся с одним из далеко не самых умных антикоммунистических предрассудков — и ни с чем более” (№ 7, с. 140). Во-первых, “конечность истории” и “конец истории” — это, строго говоря, не одно и то же. Фукуяма употребляет термин “конец истории”. Он рассматривает его не как некую “идею”, а как *предположение*, причем весьма критически.

Книга Фукуямы “Конец истории и последний человек” заканчивается метафорой “вереницы фургонов”. Эту метафору, отражающую его приверженность кочевнической традиции мышления (она же англо-американская, “островная”), он сознательно противопоставляет метафоре “цветущих растений”, характерной для техники мышления оседлых народов (“континентальной”): “Человечество будет казаться не тысячей цветущих побегов на столь же различных растениях, а длинной цепью фургонов на одной дороге... Очевидную разницу в положении фургонов не следует считать за отражение перманентных и неизбежных отличий между людьми, которые в них едут, а лишь следствием разных позиций, которые они занимают на дороге... Не можем мы и в окончательном анализе сказать: если большая часть фургонов доберется до города, не выйдет ли так, что их пассажиры, оглядев новые места, решат предпринять еще одно, и более дальнейшее путешествие?”⁴². Кто кого фальсифицирует?

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294.

⁴² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек, М.: Ермак, 2004, с. 505.

Во-вторых, сам Фукуяма вполне определенно формулирует, что именно он понимает под “концом истории”: “Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но *идеал* либеральной демократии улучшить нельзя... То, что по моему предположению подошло к концу, это не последовательность событий серьезных и великих, а История с большой буквы — то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов. Такое понимание Истории более всего ассоциируется с великим немецким философом Гегелем. Его сделал обыденным элементом интеллектуальной атмосферы Карл Маркс... И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна, она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таки образом, оба эти мыслителя постулировали “конец истории”: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса — коммунистическое общество... Это означало, что не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены”⁴³.

Вряд ли при добросовестном отношении здесь можно обнаружить фальсификацию взглядов Маркса. Столь же объективное, но гораздо более подробное изложение марксистского понимания “конца истории” есть у другого западного автора: “Марксизм — чтобы сохранить верность базовому интуитивному представлению о неизбежном прогрессе и “благоприятном исходе” развития, — не акцентирует внимание на конкретном числе или даже конкретной последовательности стадий... Реальные требования, предъявляемые марксистской экономической интерпретацией истории, заключаются в том, чтобы никакие неэкономические факторы не могли тормозить развитие общества; чтобы это развитие стимулировалось непрерывным (хотя временами и замедленным) ростом производительных сил; чтобы число социальных форм, соответствующих стадиям развития производительных сил, было конечным и чтобы последняя из них соответствовала максимально полному развитию производительных сил и человеческих способностей”⁴⁴.

В-третьих, если и высказывать претензии А. Гайдару и В. Мау с позиций защиты Маркса от фальсификации именно в том абзаце, где они пишут о недialeктичности представления о “конце истории”, имеющемся и у Гегеля, и у Маркса интересно, чего они знают такого о диалектике, что берут на себя смелость уличать Гегеля и Маркса в недialeктичности?), так это их утверждение о “производительных силах зрелого индустриального общества” как материальном базисе “конца истории”, с позиции то ли Маркса, то ли марксистов: «...Методологической ошибкой стало игнорирование диалектического метода,

⁴³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек, с. 7–9.

⁴⁴ Геллнер Э. Экономическая интерпретация истории. В кн.: Экономическая теория (New Palgrave), с. 244–245.

который составлял “живую душу марксизма”. Это проявилось в утвердившемся представлении о “конце истории”... Материальным базисом “конца истории” виделись производительные силы зрелого индустриального общества... На этом, согласно марксизму, движение истории через кризисы и противоречия завершалось» (№ 6, с. 32).

Насколько мне известно, не было в ходу такого словосочетания: “зрелое индустриальное общество” во времена Маркса, да и потом марксисты его не спешили вводить в собственный теоретический арсенал. Да и не мог Маркс поставить точку на каком-либо уровне развития производительных сил. В наверняка знакомых нашим “либеральным апологетам марксизма” “Экономических рукописях 1857—1859 годов”, известных как так называемый “Первоначальный вариант Капитала”, Маркс пишет и об абсолютном движении становления человека⁴⁵, и о грядущем вытеснении его из непосредственного процесса производства материальных благ (что и происходит сейчас, “за пределами индустриализма”), как о непереносимом условии исчезновения количественной основы пропорций обмена товарами. “То, что было деятельностью живого рабочего, становится деятельностью машины... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним” и относится к производственному процессу “как его контролер и регулировщик”⁴⁶.

А теперь давайте попробуем посмотреть на проблему “конца истории” без всякой мистики, умствований, оглядок на великие и не очень великие имена. Если верить ученым, такой, например, биологический вид, как акула, не претерпел никаких изменений за последние, если не ошибаюсь, 500 млн. лет. Это значит, что у данного вида **история закончилась** (или, если угодно, прервалась, приостановилась) после того, он полностью приспособился к окружающей среде, пришел в равновесное состояние. Только и всего.

Именно только (если быть точным, в последнее время преимущественно) такого же типа состояния изучаются в “мэйнстриме” экономической теории. Сравнительный статический анализ — главный аналитический инструмент, применяемый, в частности, при рассмотрении самой массовой задачи: выделения эффектов замещения и дохода при изменении цен или ценоподобных параметров (например, ставок налогов). Переход из одного равновесного состояния в другое — слишком сложный и далеко не всегда заслуживающий внимания процесс, коль скоро речь идет не о судьбах страны или о жизни и смерти хотя бы одного человека, а всего лишь об изменении рыночного равновесия, при котором, самое большее, некоторые блага или фирмы “уходят” с рынка.

Если точно так же, сугубо объективно, посмотреть на такой предмет, такую вещь, как человеческий род, то можно сказать, что его современное состояние крайне далеко от устойчиво равновесного, “идеального” в смысле *ideale* в отличие от того, что имеется в мире живой природы и известно в настоящее время довольно хорошо любому, кто заканчивает обычную среднюю школу. Уже упоминавшаяся акула, как

⁴⁵ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 212—213.

и любой другой вид, приходит в равновесие с окружающей средой за счет мутаций генов, происходящих при появлении на свет новых представителей вида. Изменчивости среды, в том числе непредсказуемой, спонтанной, противостоит спонтанная изменчивость на надиндивидуальном уровне, которая выступает как своего рода средство самосохранения вида. Точнее, не средство, инструмент (использование этих слов невольно ведет к телеологии, целеполаганию, которого нет в случае действительно спонтанных событий), а просто процесс, обеспечивающий более или менее успешно приведение вида в равновесие с внешней средой. Причем, чем проще устроены особи вида, тем успешнее его приспособление к меняющейся среде.

На индивидуальном уровне у многих видов также существует спонтанность. Прежде всего это относится к миру животных и в самом простом случае выражается в возможности индивидов произвольно перемещаться. Но спонтанные изменения индивида не имеют прямого отношения к сохранению вида и способствуют выживанию только индивида. Более того, чем сложнее устроена спонтанность на уровне индивидов, тем менее эффективным оказывается процесс самоизменения вида. За те миллионы лет, что существуют акулы, появилось и исчезло много гораздо более сложных видов (точнее, видов с гораздо более сложным устройством индивидов, особей).

У человека тоже есть изменения “на уровне вида”. Однако их роль в его приспособлении к среде вполне можно считать несущественной. Например, цвет кожи коренных жителей разных широт приспособлен к разной интенсивности потока ультрафиолетовых лучей, но это почти все, что можно сказать о подобной “надиндивидуальной” адаптации. Поэтому можно сделать вывод, что в случае человека выживание вида целиком зависит от того, насколько спонтанность на уровне индивида может “работать” на выживание в спонтанно меняющихся условиях не индивида, а вида, человеческого рода.

Но индивидуальная спонтанность ни у животных, ни у человека, “как он есть”, не приспособлена для этого. Она сложилась как процесс, а затем и инструмент, обслуживающий существование именно этого конкретного индивида, самое большее — малой группы, а не вида. Возникает вполне естественный вопрос: как “должно” быть устроено существование, “внешняя среда” индивидов, отдельно взятых людей, чтобы их спонтанная активность была направлена на обеспечение существования человеческого рода? Ответ на него тоже имеется хотя бы в самом общем виде, подсказанном всей реальной историей хозяйственной эволюции. Заключается он в снятии взаимного отчуждения существования человека и человеческого рода, “индивида и рода”, если пользоваться терминологией “молодого Маркса”.

За примерами далеко ходить не надо. В прошлом, а для кого-то и в настоящем кровная община представляет собой такое надиндивидуальное образование, от которого входящий в его состав индивид не отчужден. Его собственное существование обеспечивается этой общиной, а он, в свою очередь, без какого-либо внешнего принуждения подчиняет свои действия, в том числе и спонтанные, интересам ее существования. Каким-то подобием такого образования, такой общности

является и семья, особенно многопоколенная, с сохранившимися ценностями традиционного, доиндустриального общества.

Если немного напрячь воображение, то можно представить себе современное “социально ориентированное” общество с рыночной экономикой как некоторое приближение к искомому идеалу. В нем за вопросы, связанные с обеспечением физического выживания отдельно взятых людей, отвечают на “вышестоящие” инстанции — муниципальные, государственные. В этих социальных гарантиях существования, жизни присутствует, так или иначе **равенство** (если угодно, “равенство в смерти”). За его пределами начинается **свобода** жизни каждого, ограниченная только свободой всех остальных — “либеральная демократия” в чистом виде. Где-то совсем рядом с нею располагается и “свободное развитие каждого как условие свободного развития всех” из “Манифеста”. О чем спор?

Но как это далеко на деле от теоретически возможного идеала и количественно и качественно! Во-первых, если говорить о “количестве”, “современное государство” отнюдь не глобально, и пока никто не может сказать, когда оно станет таковым и сможет ли вообще им стать (могут ли 5–10 или более миллиардов человек, действующих спонтанно, в то же самое время согласованно и без всякого принуждения заботиться о жизни будущих поколений человеческого рода?). Но мысленно (*ideelle*) этот идеал (*ideale*) вполне можно представить. Это и есть возможный “конец истории” как процесса перехода человеческого рода от исходного, животного (“звериного”) состояния к “равновесному”, человеческому. Переходного процесса, полностью спонтанного на первых этапах и все более целенаправленного по мере его продолжения.

Во-вторых, говоря о “качестве”, нетрудно заметить, что безопасность жизни каждого человека и возможность его свободного самовыражения — это ценности равно важные, но несовместимые, если пытаться добиться одновременно полной реализации каждой из них при современном уровне развития как самих людей, так и тех материальных средств, которые находятся в их распоряжении. “...Проблемы связаны с неполной реализацией принципов-близнецов: свободы и равенства, а не с дефектами самих принципов”⁴⁷. В частности, после 11 сентября 2001 г. меры, принятые в США, да и в других странах для повышения безопасности, в определенной мере ограничили свободу действий людей. Причем некоторые из этих мер были бы заведомо отвергнуты обществом, если бы не было той самолетной атаки.

И здесь нам опять придется вернуться к вопросу о соотношении науки и политики. Возможно, некоей отсталостью нашего общества можно объяснить его повышенное доверие к “слову науки”, которым злоупотребляли политики на протяжении всего прошлого века. Несмотря ни на что, похоже, остатки подобного доверия сохранились и сейчас. Будет ли этично политикам, не лишенным научной подготовки, пользоваться этим для своих целей?

Окончание следует...

⁴⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек, с. 7.